

ПО ЗАКОНАМ ЖАНРА

ДЕВЯТЬ
ВОПЛОЩЕНИЙ
КОШКИ

ТАТЬЯНА
СТЕПАНОВА

Татьяна Юрьевна Степанова

Девять воплощений кошки

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6129728

Девять воплощений кошки : роман / Татьяна Степанова: Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-67035-2

Аннотация

Говорят, там, где появляется Проклятая коллекция – в доме, в музейном собрании... – всегда начинают происходить странные и загадочные события. И бесспорно, она тянет за собой шлейф смертей. Вы в это верите? Однако когда в музей доставили Проклятую коллекцию, уникальные древнеегипетские артефакты, Дарья Юдина явилась с аудиторской проверкой Счетной палаты и... была убита. Что это? Совпадение? Поразительное стечение обстоятельств? Или?.. А чуть раньше в Красногорске какой-то злоумышленник отравил в зоогостинице всех кошек, которых привезли на международную выставку. Катя Петровская, капитан полиции, сотрудник пресс-центра ГУВД Московской области, и ее подруга Анфиса, фотограф, принимают самое активное участие в расследовании этих жестоких преступлений, едва не стоивших жизни им самим...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	12
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	25
Глава 7	28
Глава 8	31
Глава 9	34
Глава 10	37
Глава 11	43
Глава 12	46
Глава 13	49
Глава 14	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Татьяна Степанова

Девять воплощений кошки

© Степанова Т.Ю., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Глава 1

Девять воплощений. Девять жизней у кошек

Лишь песок и сухая трава, нагретая вечерним солнцем...

Песок, песок, песок, трава, трава, трава, обломки гранита, древние камни, остовы колонн.

Все, что осталось... И уже невозстановимо.

Там, в деревне за холмом, громко играет радио в магазине для туристов. Автобусная остановка с надписью на арабском и английском «Добро пожаловать в Загазиг!» пуста.

Туристические автобусы в деревушку Загазиг давно уже не приезжают ни из Хургады, ни из Каира. Путь неблизкий, да и дороги стали опасны.

Стреляют на дорогах. Война на всех границах – в Сирии, в Ливии, да и тут в Нижнем царстве о покое забыли.

Но холм, поросший травой, засыпанный песком, усеянный обломками гранитных колонн великого храма, зияющий, как ранами, ямами старых археологических раскопов, знать ничего не хочет ни о войне на границах, ни о том, что на проселочных дорогах все чаще появляются банды и грабят грузовики и фуры, нападают на полицейских.

Холм Телль-Баста наблюдает за солнцем, опускающимся за линию горизонта, наблюдает сотней глаз, прекрасных и древних.

Жук скарабей катит неутомимо и шустро вонючий шарик. Катит шарик, пятится задом, суча лапками – по песку, по склону холма, среди травы и по небу, лавируя меж редкими облаками.

Кому-то ведь пришлось в голову сравнить ярчайшее ослепительное солнце с этим вот комочком навоза, что так быстро катит жук – скарабей священный!

Солнце – лишь комочек навоза. И Око Ра...

Сегодня оно на закате пугающе великолепно – не замутнено никакими сомнениями, тускло-багрово, исполнено ярости, решимости, тоски и ожидания.

Вот-вот что-то произойдет.

Что-то случится.

И солнце – комочек навоза – всевидящий глаз – это предвкушает и ждет.

На холме Телль-Баста, заброшенном и безлюдном, когда-то в незапамятные времена располагался город, славившийся великим храмом богини-кошки Бастет, которой поклонялся весь Египет.

От него ничего не осталось. Лишь прах, пыль, песок.

Но кошки... ах да, деревенские и просто бродячие... боже, сколько же их здесь? Одна, вторая, седьмая, десятая... более двадцати двух особей.

Кошки приходят сюда на закате, вспрыгивают на обломки колонн. И сидят. Долго сидят. Пережидают закат, краткие сумерки и словно растворяются в темноте ночи.

Но нет, они все еще здесь. Глаза горят, посверкивают в темноте, как угольки.

Кошки бдят. Сидят, не издавая ни звука – не мурлычат, не мяукают, не орут.

Кажется, что и друг на друга они не обращают внимания. Но зорко, зорко следят каждая за каждой. И за всем происходящим вокруг. Как жук – священный скарабей – катит свой навозный шарик, словно солнце по небосклону. Как шуршит сухая трава, как цикада поет, как падают капли со стен храмового колодца.

Девять жизней у кошек.

И они длинные, порой растягиваются на века, на тысячелетия, складываясь, продолжаясь.

Поэтому кошки помнят все.

И они не питаются падалью.

Вон там за холмом в песке валяется обглоданный, выбеленный солнцем скелет. Уже и не поймешь сразу, чей – человека или животного.

Но кошки и ухом не ведут. Им до старых костей нет дела. Но память у них длинная, как все их девять бесконечных жизней. Они помнят причиненную боль. И мстят.

Когда-то давным-давно, когда еще храм Бастет существовал, кошек тут лелеяли и ублажали.

Может, поэтому через столько веков их тянет сюда, на старое место?

Но, возможно, есть и какая-то иная причина. Этот вот багрово-тусклый, исполненный ярости и боли закат, например...

В глуши пустыни, где только радио играет в деревенском магазине, и где-то далеко, очень далеко слышна орудийная канонада, закат сулит что-то важное, что вот-вот произойдет.

И кошки холма Телль-Баста это знают. Они явились сами по себе из ниоткуда поглядеть, *как оно все будет*.

Одна из кошек молниеносно протягивает лапу к священному скарабею, неосторожно подкатившему свой навозный шарик слишком близко. Выпустив когти, кошка переворачивает жука на спину и разрывает его пополам.

Глава 2

Жизнь девятая, последняя

– Боже мой, я не могу на это смотреть! Кто это сделал? Это такой ужас... чья-то чудовищная злоба... Кто это сделал с ними?! За что?!

Женский вопль разнесся по всей гостинице, по всему «Приюту Любви». Но кричать уже бесполезно, как и взывать о помощи.

Все было кончено. Да, с этой удивительной «Планетой» разделались разом.

Скорченные трупы валялись всюду, словно после газовой атаки.

Пахло смертью. Воняло экскрементами. Агония несчастных, видно, была страшной.

– Кто-нибудь, ради бога, позвоните в полицию! И помогите мне, я... я, кажется, сейчас упаду!

Веру Вадимовну Суркову – бессменного президента «Планеты кошек» – еле успели подхватить коллеги, иначе, хлопнувшись в обморок, она разбила бы себе лицо об угол железной клетки.

А ведь начиналось все прекрасно. Эти два майских дня – суббота и воскресенье – стали апогеем славной истории «Планеты кошек» – клуба любителей элитных пород – абиссинской, бурманской, бенгальской, персидской.

Две недели по всему подмосковному Красногорску радовали глаз красочные рекламные щиты «Добро пожаловать на Международную выставку кошек! Выставка-продажа элитных котят! Лучшие представители пород из двенадцати стран!».

С рекламных щитов на прохожих и уличную суету глазели котята с умильными улыбочивыми мордашками. И от одного взгляда на этих крохотных пушистых малышек становилось тепло и радостно на душе.

Хотелось завести себе вот такого же котенка! Черт возьми, да! Ну конечно же – котенок, и дети всегда просили «мам, ну мам! котеночка», и свекровь, обалдевшая от одиночества и больной щитовидки, всегда намекала, что «если бы вот ей кошечку подарили, то сразу бы стало не так тоскливо дома одной». И муж... он хоть всегда и заявлял безапелляционно, что он «против животных в доме», а тоже при виде такого вот мохнатого клубочка с ушками не устоял бы.

И, рассудив так, прохожий... точнее, прохожая, спешащая по своим делам женщина останавливалась на секунду у рекламного щита, смотрела на котенка и умилялась.

А в первый день выставки, в субботу, городской Дворец культуры просто не вместил всех желающих посетить международную выставку кошек. К кассам выстроились хвосты очередей.

Приходили семьями, с детьми, приходили женщины, подруги, пенсионерки, студентки, приходили школьники, приходили отставные военные, домохозяйки, офисные клерки, продавщицы, парикмахеры, приезжали на автобусах и своих машинах из Москвы – провести отличный день на выставке, посмотреть на кошек со всего света. И, быть может, купить себе во-он того махонького, рыжего, что безмятежно спит в демонстрационной клетке, раскинувшись всеми лапками, показывая миру упитанное пузцо.

И, естественно, клуб «Планета кошек», вот уже почти десять лет базировавшийся именно здесь в подмосковном Красногорске, построивший под одной крышей ветеринарную клинику и гостиницу для кошек с нежным названием «Приют любви», оказался в самом эпицентре выставочной лихорадки.

Именно усилиями клуба международная выставка и была организована. Приехали не только члены клуба, владельцы клубных производителей, но и многочисленные участники

выставки со всех концов страны – из Питера, из Ростова, из Нижнего Новгорода, с Урала, из Белоруссии и Украины, из Литвы, Польши и Азербайджана.

И словно населения в эти выходные в подмосковном городе прибавилось. Кафе и рестораны были забиты, две местные гостиницы написали на своих сайтах в Интернете, что «свободных номеров нет». Многие из участников выставки остановились в Москве и в соседних районах Подмосковья – кто у родственников и знакомых, кто в гостинице, кто на съемной квартире. Но своих питомцев многие были вынуждены на время выставки поместить в кошачий «Приют любви», потому что въезжать на съемную квартиру или в номер отеля с кошками категорически воспрещалось.

Владельцы кошек, заявившие об участии в выставке, вместе с программой получали пухлую пачку отксеренных листов, обязательных для ознакомления. Постороннему человеку и разобраться-то не просто, что там написано:

Открытый класс и выше. Литер класс – не менее 3 котят 10–12 недель.

Юниоры.

Кастраты и домашние кошки.

Обязательный перечень требований к представителям породы.

WSF-ринги.

Монопородные ринги – абиссинская, бурманская, бенгальская, персидская, мейн-кун, экзоты.

ВНИМАНИЕ! Продажа котят в одной клетке с животным, заявленным на экспертизу! В одной клетке допустимо не более трех котят при наличии родословных документов.

Котятам моложе 10 недель находиться на выставке запрещено!

Лист регистрации с пометкой и сканированной квитанцией об оплате обязателен!

Просмотр каталога – зал № 2.

На трех и более животных одного владельца скидка 10 процентов.

Рекламный класс для членов клуба БЕСПЛАТНО!

Продажа котят для членов клуба – БЕСПЛАТНО!

Читая всю эту восхитительную специфическую ахинею, члены клуба и участники выставки отлично все понимали. А кто не понимал, тут же доверчиво спрашивал и уточнял в окошке информации. Профессиональный жаргон членов клуба любителей кошек и просто горячих энтузиастов кошачьего дела... да, великого кошачьего дела, могучего международного движения, почти что масонской ложи «Котофей Востока и Запада» радовал ухо непосвященных.

А любопытный праздный народ... простые посетители выставки слонялись по огромному фойе Дворца культуры, тесно заставленному выставочными столами с установленными клетками, и смотрели.

Как там внутри кипит, мурлычет, выгибает атласные спинки, жмурит изумрудные глазки, мяукает, играет с плюшевой мышкой, выпускает когти, облизывает бархатные лапки *жизнь*.

Никто из посетителей, гостей, участников, организаторов выставки и членов клуба «Планиета кошек» тогда и не догадывался, что эта жизнь на самом деле та самая – девятая, последняя.

Фразу о том, что у кошки девять жизней, повторяли на выставке сотни раз. Но что эта вот – девятая и есть, а за нею ничто, пустота, ужас и боль, не догадывался никто.

А может, кто и догадывался. Даже предвкушал. Это еще предстояло выяснить.

В воскресенье на моноринги представителей элитных абиссинской и особенно бенгальской пород, стоивших сумасшедшие деньги, приехали поглазеть, полюбоваться богачи, представители столичной элиты, в основном жены и любовницы.

Возле Дворца культуры на автостоянке припарковались «Ягуары», «Бентли», «Порше» и «Мерседесы».

Моноринг абиссинок очаровал всех своими участниками. Кошки абиссинской породы – этикие маленькие пумы, сочного песочного, медового окраса, с огромными глазами, точно подведенными египетской тушью. Грациозные, изящные, с короткой шелковистой шерсткой.

Клуб «Планета кошек» показал на моноринге лучших своих представителей породы.

Бессменный президент клуба Вера Вадимовна Суркова во время демонстрации породы чувствовала, как на глазах ее закипают слезы восторга. Она обожала абиссинок. Чрезвычайно популярная в Европе и Америке порода еще была новинкой у нас в России. И Вера Вадимовна поклялась, что исправит эту ошибку. И вот такой успех моноринга! И сразу три чрезвычайно удачные сделки для клуба на продажу котом-производителей и кошек-мам!

Моноринг бенгали вызвал вообще небывалый ажиотаж и приток зрителей. Красногорскому ГИБДД даже пришлось перекрывать уличное движение, потому что хвост очереди уже не помещался на тротуаре.

Если абиссинки – маленькие пумы, то бенгальские кошки – это мини-леопарды. Невыразимо прекрасная пестрая пятнистая расцветка. И не поймешь сразу, кто это – настоящая киса или прирученный дикий зверь из джунглей смотрит на тебя мудро и нежно янтарными глазами.

Котят бенгальской породы, стоивших почти что целое состояние, тут же после моноринга приобрели два клуба из Литвы, два с Украины и частные лица – звезда телесериала «Вдвоем по жизни», звезда ледового шоу «Танцы на льду» и певец шансона Мефодий, приехавший в Красногорск на выставку элитных кошек на автомобиле «Хаммер».

С бешено популярным и эксцентричным певцом Мефодием, облаченным в шотландский килт и гусарский ментик с золотым шитьем, Вера Вадимовна имела долгую беседу.

– Вы приобретаете элитного котенка бенгальской породы, молодой человек, но я должна предупредить вас...

– Да это кот всем котам кот! Тигр! Пантера!

– В каждом котенке-бенгали есть гены диких представителей семейства кошачьих, хищников. Это плод скрещивания дикого азиатского кота и...

– Не пудрите мне мозги, мамаша! Сразу говорите, хау мач? Сколько?

– Вы хотите купить одного из лучших представителей породы, жемчужину нашего клуба. Мы надеялись этим котенком пополнить наш клубный генофонд.

– Я плачу двойную цену!

– Но вы берете его в качестве домашнего питомца. И если вы намерены кастрировать его, то...

– Да ни боже мой! – Глаза Мефодия сверкнули, а рыжие усики встопорщились, даже килт заколыхался над голыми волосатыми ногами в носках и тяжелых армейских ботинках. – Да кто вам сказал, мамаша, что я позволю превратить своего кота в евнуха? Какая, к черту, кастрация?! Пусть гуляет где хочет, пусть трахается, сколько и где захочет! У меня дом загородный в Одинцово, участок ого-го, там этих ваших кошек бродячих...

– Трахаться, – Вера Вадимовна кротко улыбнулась певцу Мефодию, – ваш кот будет приезжать к нам в клуб. И, возможно, мы будем делать забор его спермы для искусственного оплодотворения наших клубных чемпионов.

Мефодий сказал «ОК!» подмигнул, как он подмигивал провинциалкам-зрительницам со сцены, и пошел в офис за демонстрационным залом подписывать договор купли-продажи и платить за драгоценного котенка через кассу.

Вот в этот самый миг Вера Вадимовна и почувствовала: нет, не может все так хорошо, так отлично складываться – и выставка, и ринги пород, и перспективы клуба, и вообще будущее, жизнь.

Где-то... где-то есть подвох... а может, и большая беда...

Но жизнь вокруг била ключом, кипела, мурлыкала, мяукала, точила коготки о специальные подставки, шипела на сородичей, тыкалась мордочкой в материнский тугой живот, по привычке ища соски, ходила по-маленькому в специальный кошачий туалет с наполнителем, хрустела кормом, пыталась заигрывать с жизнью в соседней демонстрационной клетке, протягивая к сетке бархатную лапку.

Десятки кошек сидели, лежали, валялись лениво и праздно, спали, притворялись, что спят в демонстрационных клетках и на руках своих владельцев.

Вера Вадимовна почувствовала, как слезы вновь наворачиваются на глаза. Она любила этих удивительных существ. Она обожала кошек. На склоне лет оставшись в одиночестве, она всю себя отдала вот им, клубу «Планета» и гостинице «Приют любви».

Перед окончанием субботнего выставочного дня она сама лично просмотрела списки заявок участников на следующий выставочный воскресный день и по компьютеру проверила наличие свободных мест в кошачьей гостинице. Очень много участников были вынуждены на ночь поместить своих питомцев туда.

Мест, как водится, хватило не всем желающим. Кошачья гостиница рассчитана на тридцать мест. Но лишь в выставочные дни она заполнялась вот так целиком. Семь кошек уже занимали кошачьи домики – это были платные постояльцы, питомцы хозяев, которые уезжали кто в отпуск, кто в командировку.

Двух – кошку и кота – их хозяева как раз планировали забрать утром в воскресенье, а это означало, что в «Приюте любви» освободилось два кошачьих домика – уютных, из розового плюша. Кроме этого места еще были и в демонстрационных клетках.

«Приют» закрывался в девять вечера, перед этим уборщица кормила питомцев и запирали гостиницу на ночь. Через стену в ветеринарной клинике клуба дежурный ветеринар работал до полуночи и затем лишь выезжал по срочному вызову на дом.

Воскресный выставочный день для Веры Вадимовны должен был начаться в восемь утра. Но в семь пятнадцать ей позвонила дежурная, явившаяся в «Приют любви» на утреннюю уборку и кормежку кошек.

Дежурная не могла говорить – плакала, заикалась от рыданий.

Вера Вадимовна, неумытая, непричесанная, выскочила из дома, ошалело поймала участника на остановке и рванула...

Там, в «Приюте любви» трупы были повсюду – в демонстрационных клетках, в розовых плюшевых кошачьих домиках.

Скорченные, сведенные судорогой тела.

Этот ужасный, ни с чем не сравнимый запах смерти, массовой гибели.

– Освенцим... – рыдала дежурная. – Я дверь открыла, а они все мертвые. Кто же это сотворил... чья же злоба...

Вера Вадимовна еще помнила, как закричала, чтобы кто-то... ну хоть кто-нибудь помог, вызвал полицию.

А потом она уже не помнила ничего, ибо провалилась, как в яму.

Очнулась она в «предбаннике» «Приюта любви». Дежурная и еще какие-то люди – члены клуба и владельцы кошек, Вера Вадимовна не сразу их узнала, так все плыло перед ее глазами, хлопотали вокруг нее бестолково, но активно, пытаясь привести в чувство.

В дверном проеме показались люди в полицейской форме.

Видимо, уже приехал патруль.

И еще там была девушка – высокая и светловолосая.

Вера Вадимовна протянула к ней руку, приняв за следователя, и прошептала:
– Помогите, прошу вас!

Глава 3

Где-то между девятой и восьмой – на грани. Запах валерьянки

В этот майский солнечный воскресный день, точнее утро, Катя Петровская – криминальный обозреватель пресс-центра ГУВД Московской области, капитан полиции особо работать не рвалась и рассчитывала закончить намеченное быстро. А потом на обратном пути набросать на походном ноутбуке статейку для «Криминального вестника Подмосковья» и благополучно скинуть ее по электронной почте.

«Криминальный вестник» окончательно перешел в электронный формат, и это всех его корреспондентов, в том числе и криминального обозревателя пресс-центра ГУВД Екатерину Петровскую (по мужу Кравченко), до безобразия избаловало. Наколотить материальчик стало делом плевым – главное, чтобы факты были убойными, свежими и сенсационными. Если таковых не возникало, годилась любая новая информация. Вот, например, как сегодняшнее событие – открытие в Красногорске новенького, с иголки, отделения полиции. Почти что праздничное воскресное мероприятие с последующим скромным банкетом.

Съемочная группа пресс-центра ГУВД и Катя во главе нее отправились на машине из Главка в Красногорск к половине девятого утра. А уже в десять Катя намеревалась накатать наспех помпезный материал об открытии отдела милиции и достижениях в области современных технологий на службе правоохранительных органов и по-тихому смуться.

То есть улимонить оттуда. Во-первых, потому что делать в отделении таким великим профессионалам криминального репортажа, как она (!), просто больше нечего. А во-вторых, потому что ее в Москве ждала подруга Анфиса. Да, они договаривались еще в прошлый четверг – встретиться, как только выпадет свободный денек.

Подруга Анфиса Берг, по профессии художник-фотограф, начинала какой-то новый проект, и ей не терпелось обсудить это с Катей. А Катя просто соскучилась по подруге Анфисе. Так давно не виделись. Ради Анфисы Катя и решила улизнуть с работы.

Однако едва лишь они поймали в машине по рации *то самое сообщение*, эти ее планы сразу испарились.

Они уже поворачивали с Волоколамского шоссе, как в машине телегруппы сработала рация:

Второй экипаж на маршруте? Поступил вызов с Северной Магистральной, одиннадцать. Массовое убийство животных в зоогостинице при ветеринарной клинике. Проверьте вызов. Участковый туда уже направляется.

Голос дежурного по УВД – строгий, деловитый.

Затем еще голоса в рации:

– Что там еще за дерьмо на Северной Магистральной?

– Боюсь, что опять то же самое, как и в апреле. Тут ведь выставка котов вовсю.

– Да знаю я, что выставка, моя благоверная там дежурила вчера. Кто сообщил?

– Хозяйка гостиницы или нет... эти малахольные кошатники, члены клуба.

– Ладно, я уже спускаюсь, скоро буду. Оборудование взял. И скажите Вовке, как увидите, чтобы он в истерику не впадал. А то получится как в прошлый раз.

Массовое убийство... От этой фразы члены телегруппы в машине сразу притихли. А Катя ухватила рацию. Но все, отбой, больше никаких сообщений и переговоров в эфире.

Из диалога она поняла – патрульные говорят с экспертом-криминалистом, который выезжает со своим оборудованием на место происшествия. И нервным тоном просит «сказать» какому-то Вовке, чтобы тот «не впадал в истерику».

Катя раздумывала лишь пару секунд. *Массовое убийство...* Этакий противный холодок пополз по позвоночнику.

– Ребята, меня завезите, пожалуйста, на Северную Магистральную.

– А как же открытие отделения? – спросил Катю оператор.

– Вы езжайте туда, все отснимете. Я потом приеду с местными сотрудниками и напишу текст.

– А в этой зоогостинице материал для теленовостей.

– Вот именно, – Катя открыла в планшете «карты». – Что-то у вас с навигатором, тут направо надо сворачивать между во-он теми высотными домами. Отделение новое стоит себе и стоит, никуда не убежит от нас. К тому же с Магистральной все равно потом поедут туда – и эксперт, и участковый.

Что называется – логика железная. Никто и не думал возражать. Телевизионщики! Их бог – сенсация для теленовостей!

Два одноэтажных здания приятного фисташкового цвета под крышей из металлочерепицы на самом краю новой улицы – еще толком не обжитой, со строительными заборами и многоэтажными жилыми корпусами, еще не заселенными. Дальше – поле, еще дальше зеленеет кромка леса. На поле специально огороженная площадка для выгула собак.

У зданий фисташкового цвета – несколько машин, в том числе и патрульный «Форд» полиции. Возле него и припарковались.

Катя прочла вывеску: «Ветклиника. Зооотель «Приют любви».

Дверь сбоку открылась, и она увидела патрульных в полицейской форме и услышала громкие рыдания.

Женщина плакала так, словно у нее разрывалось сердце от горя.

Оставив телегруппу объясняться с патрульными, Катя тут же просочилась, ввинтилась буквально внутрь и...

Едва не задохнулась от едкой вони, что ударила в нос, – запах кошачьей мочи, еще какой-то гадости и что-то приторное, разлитое в воздухе, очень знакомое, но в сочетании с запахом смерти бесконечно гадкое.

– Что здесь произошло?

– Вы хозяйка питомника?

Катя в эту минуту даже не поняла, кто ее спросил. В узком коридоре, куда она попала с улицы, толпился народ – в основном женщины, и все они плакали, голосили как по покойнику. На стуле под разноцветными плакатами сидела женщина в ярком желтом плаще – немолодая крашеная брюнетка, явно в обморочном состоянии. Вокруг нее суетились, подносили к носу пузырек с нашатырем, пытаясь привести в чувство.

От нашатыря она вздрогнула, открыла глаза и внезапно протянула к Кате руку, что-то бессвязно бормоча.

– Вы хозяйка? Боюсь, что вы уже не хозяйка. Они там все мертвы. Ни одного живого, – раздался позади мужской голос.

Катя оглянулась. За ее спиной стоял молоденький, хрупкий, как тростинка, участковый. Фуражка на нем – гигантских размеров, как такую только выдали на складе обмундирования, прямо генеральская фуражка. Паренек рыжий и с веснушками. Но сейчас все веснушки словно полиняли, такой он был бледный.

– Я капитан Петровская Екатерина, мы со съемочной группой приехали из Главка на открытие вашего отделения и поймали сообщение о происшествии.

– лейтенант Миронов. Участковый уполномоченный.

– лейтенант, что тут случилось?

– Сейчас сами увидите. Если нервы у вас крепкие.

Они пошли по коридору, идеальной чистоты, открыли стеклянную дверь и попали в просторное помещение с высоким потолком, заставленное небольшими клетками, в которых размещались круглые домики для кошек.

А потом Катя увидела самих кошек.

На полу каждой клетки – скорченный труп.

Кошки, коты, взрослые особи и совсем молодые котятка. В каждой клетке – мертвец. Катя сбилась со счета.

– Ой, мамочка, да что же это... Может, это вирус какой-то? Чумка?

Участковый Миронов присел на корточки перед одной из клеток с розовым домиком внутри.

На полу клетки валялся труп крупного дымчатого кота в темных полосках и пятнах.

В уголке клетки Катя увидела какие-то красные ошметки. Ей стало дурно.

Она закрыла рот рукой.

Сзади послышался энергичный громкий голос:

– Пропустите, попрошу не мешать!

В зал с клетками вошел еще один рыжий паренек постарше, в полицейской форме, с веснушками, без фуражки, зато с увесистым криминалистическим чемоданом на ремне – походной кримлабораторией.

– Вовка, не сходи с ума! – бросил он участковому с ходу. – И не вздумай сразу к нему ехать. Все равно толку не будет, пока у нас нет прямых доказательств.

Катя поняла – это тот самый эксперт-криминалист из рации. А участковый – тот самый Вовка. Лейтенант Миронов. Мальчик-одуванчик.

– Убью его! Убью эту гадину.

Мальчик-одуванчик вскочил, точно подброшенный пружиной, и схватился за кобуру.

Он ринулся назад к выходу.

– Вы кто по званию? – гаркнул эксперт опешившей от неожиданности Кате.

– Я? Я к-капитан.

– Так скомандуйте ему, меня он не послушает! Остановите его, не видите, он на все готов, сейчас рванет к нему и пулю в лоб!

– Лейтенант Миронов! – закричала Катя во всю мощь своих легких. – Вы что себе позволяете! Спрячьте оружие.

Участковый обернулся. Оружие табельное, впрочем, он так и не достал.

– Остынь, братишка.

Сказал эксперт мягко, и тут Катя поняла, что участковый и криминалист – братья: младший и старший.

В кошачью мертвецкую с розовыми домиками вошел патрульный.

– По какой статье? – спросил он. – Опять как в тот раз? Жестокое обращение с животными и уничтожение имущества?

– Других статей для этого пока не изобрели, – ответил участковый Миронов, он взял себя руки – бледный, тоненький, как былинка. – Сколько кошек погибло? Успели опросить?

– Главная ихняя президентша клуба еще пока не коммуникабельна и не транспортабельна, – оповестил патрульный. – Можно сказать, шок у нее от потрясения. Там владельцы съезжаться начали, эти, которые с выставки, сюда рвутся в зал. Рыдают.

– Не пускать никого, я осмотр делаю, – велел эксперт-криминалист. – Так сколько же тут всего было кошек?

– Вот я узнал, – подошел второй патрульный, сверяясь с блокнотом. – Гостиница кошачья на тридцать мест. Семь котов у них по договору на постое, плюс эти, которые с выставки, плюс они места дополнительные выделили. Так что всего где-то тридцать... нет, тридцать четыре.

– Считай, – велел эксперт.

И патрульный пошел вдоль клеток.

– Это вот что, по-вашему?

Катя, втайне уже мечтающая о том, как бы поскорее выбраться из этого могильника на свежий воздух, поняла, что участковый обращается к ней.

Он взял у брата-эксперта резиновые перчатки, открыл клетку кота и пинцетом подхватил те самые кровавые ошметки, на которые было тошно смотреть.

– Я не знаю, – Катя отшатнулась от пинцета.

– Это куриная печенка. А запах? Нет, вы понюхайте.

И нюхать нечего – та же знакомая вонь, в сочетании с запахом смерти просто убийственно мерзкая.

– Ой, да это же валерьянка! – воскликнула Катя.

– То-то и оно, умно придумано. Куриная печенка в виде приманки, да еще валерьянкой полили. Вот они все и сожрали. Все до одного сожрали приманку, никто, никто не отказался. Такое лакомство. Приманкой их всех и потравили.

– Яд? – Катя смотрела на остатки куриной печени уже более спокойно. Раз определили, что это не чьи-то кошачьи внутренности, то...

– Заберем на экспертизу, проверим. Кажется, использован стрихнин, – сказал эксперт, забирая у брата-участкового пинцет с образцом-вещдоком.

– Кто же до такого додумался?

– Кто... хитрый, умный безжалостный гад, – сказал участковый. – Гадина проклятая.

– Вы знаете, кто это сделал?

Но Катя не получила ответа.

– Тридцать три! – донеслось из конца зала. Это патрульный известил о количестве погибших животных. – И дверь на лестницу в подвал настезь. Я пойду проверю.

– Я с тобой, подожди, – участковый заспешил к патрульному.

Брат-эксперт остался в зале продолжать осмотр.

– Даже если отыщем прямые доказательства, – сказал он, – много ЕМУ все равно не дадут.

– Кому?

Но Катя и в этот раз не получила ответа на свой вопрос. Стеклопанная дверь из коридора с грохотом открылась, и, несмотря на сопротивление патрульного, в зал с клетками вошли две женщины.

Та самая пожилая брюнетка в желтом плаще и...

Катя решила сначала, что с ней ее дочь – высокая, под метр девяносто, стройная, тонкая, длинноногая, рыжая, на аршинных каблуках, в цветных молодежных легинсах, алом коротеньком тренче и широкополой шляпе.

Но вот свет из окна упал на ее лицо, и сразу стало ясно, что великолепные рыжие волосы, рассыпавшиеся по плечам – это парик. У женщины с фигурой двадцатилетней девушки было лицо шестидесятилетней – густо, ярко, профессионально покрашено. Но морщины и пигментные пятна сквозь тон и пудру проступали лишь резче, а подведенные тушью глаза слегка косили.

– Я должна их увидеть! Пустите меня к ним! Они мои дети... О, что же это такое... за что? Кому они что сделали плохого?!

Брюнетка в желтом плаще дотрагивалась до клеток с мертвыми кошками.

– Мертвые все...

– Вы председатель клуба? – спросил ее эксперт.